

1

— Похоже, из головы этой девчонки собирались сделать рагу.

— Журавлев! Ты как скажешь! Разве так можно?

— Да я здесь при чем? Ты же сама видишь, что ее голову в нескольких местах прорубили чем-то вроде топора. И кровящи здесь, как в мясном цехе...

— Смерть наступила примерно между семью и девятью часами утра. Точнее скажу после вскрытия.

2

Она так еще и не разобралась в себе. Покориться ли судьбе или, наоборот, взбунтоваться, прекратить это невыносимое существование, цель которого, как она уже начинала понимать, тупик, конец, черный колодец, полный змей и тухлой ядовитой воды, какой она представляла уже свою никчемную жизнь.

Вот уже два года как Таня Томникова приехала из своего Рассказово, что в Тамбовской области, в столицу и устроилась на работу в зоомагазин «Синяя собака». Хозяин магазина, Виктор Михай-

лович Кондратьев, практически сразу объяснил скромной хорошенькой провинциалке, что только став его любовницей, она сможет продержаться на работе и даже рассчитывать на премии и ежеквартальную прибавку к зарплате.

Виктор Михайлович, невысокий, пухлый, но стремительный в движениях мужчина лет пятидесяти, белокожий, но почему-то поросший черной курчавой шерстью, лысоватый, пахнувший мылом и потом, встречался с Таней исключительно по пятницам, прямо как по расписанию, и всегда «на природе». То есть в придорожном лесочке в двадцати километрах от МКАДа. Причем в любое время года. Летом он подстилал на теплую травку толстый бежевый плед, который возил в багажнике своего «Мерседеса» в виде аккуратно свернутого рулона, а в холодное время года любовники располагались на разложенных сиденьях автомобиля на том же пледе. В теплое время года свидания напоминали какие-то нелепые, скомканные пикники с клубникой, шоколадом, грушами или дыней, зимой же вечно спешащий Виктор Михайлович потчевал свою Танечку остывшей курицей из KFC и ледяной фантой. Во время таких свиданий, которые для Тани были унизительным продолжением рабочего дня (поработала — получи денежку), Виктор Михайлович практически не разговаривал с ней. Для него эти встречи были едва ли не гигиеническими упражнениями, короткими и бурными, для Тани же — постыдным проявле-

нием своей слабости и страха остаться без работы и денег.

— Таня, ты вот уже два года работаешь не только продавщицей, но и проституткой, — говорила ее самая близкая и преданная ей подруга-землячка тоже из Рассказово, Соня Горошко, которой повезло устроиться в книжный магазин, где ее никто никогда не домогался, но где она и зарплату получала в два раза меньше Тани.

Таня не обижалась на нее, даже соглашалась. Вот только, по ее мнению, проститутки в Москве зарабатывали куда больше Тани, которой Кондратьев просто время от времени подкидывал несколько тысяч рублей, а иногда перед тем, как распрощаться с ней после поездки в лес, суетливо вручал ей пакет с продуктами, который поначалу явно предназначался для семьи, потому что там помимо колбасы и сыра, к примеру, можно было найти детские соски, бутылочки для младенцев, баночки с детским питанием или просто какую-нибудь милую игрушку.

Подруги, Таня с Соней, жили вместе, снимали двухкомнатную квартиру в Ховрино и свободное от работы время гуляли по Москве, изучали ее, осваивали чудесные парки, ходили по музеям, слушали классическую музыку в филармонии и консерватории. Личная жизнь ни у одной не складывалась. Танечка была невысокой миленькой полногрудой блондинкой с вьющимися воло-

сами, широкоскулым бледным лицом, вздернутым носиком и большими зелеными глазами. Соня же, напротив, была стройной высокой брюнеткой с ярко-голубыми глазами. Танечка была общительная, улыбчивая, Соня же и здесь своим умным пронзительным взглядом и молчаливостью создавала подруге контраст. Однако они ладили, всегда и во всем помогали друг другу и считали, что им повезло, что они таки устроились в Москве, хотя и понимали, что их жизнь в столице не сулит им никакой перспективы. Ни профессионального роста, ни даже ипотеки на самое скромное жилье в Подмосковье. Одна была надежда — выйти удачно замуж за москвича и пустить корни в Москве.

Но Соня, даже если за ней и начинал ухаживать какой-нибудь покупатель и даже назначал свидание, всегда почему-то отказывалась от него и со всех ног бежала с работы домой. Причинами такого поведения были, безусловно, ее природная застенчивость, скромность и неуверенность в себе.

Таня же, в отличие от Сони, почти всегда соглашалась встретиться с кем-нибудь, кто начинал оказывать ей знаки внимания, но сразу же понимала несерьезность намерений парня или мужчины, а потому продолжения не следовало.

— Если он понял, что ты девушка серьезная, и не позвонил снова, не предложил встретиться, — рассуждала Соня, — значит, он нам и не нужен, ведь правда?

Соня была почти всегда права. И даже если Тане порой хотелось таких вот несерьезных встреч, чтобы просто развеяться, развлечься и вместо пузатого и дурно пахнувшего тела своего хозяина с унылой вялостью импотента почувствовать объятия молодого и горячего парня, сильного и всегда готового к любви, то Соне же этого не объяснишь... Вот так и проходили дни, недели, месяцы, и нередко Тане хотелось резко изменить свою жизнь. Жить одной, а не под присмотром правильной и немного пресноватой подруги, хотелось каких-то сильных переживаний, страстей, словом, движения. Но ничего предпринять она пока не могла. Уж очень сильно зависела как от своего хозяина, так и эмоционально — от Сони.

Но время от времени она чувствовала себя комфортно и в безопасности, когда, подсев на какой-нибудь остросюжетный сериал с женскими приключениями и изнасилованиями, с тюрьмой или неразделенной любовью, разволновавшись за главную героиню, понимала, как же ей повезло, что с ней-то ничего такого не случилось и не случится до тех самых пор, пока рядом с ней Соня. В такие минуты даже постыдная связь с Кондратьевым казалась ей чуть ли не спасением от зла. Но такое случалось редко. В основном она, конечно, мечтала о переменах, о женском счастье, о том, что когда-нибудь встретит хорошего парня, выйдет за него замуж, родит детей.

Таня и Соня были сиротами. Обе росли без отца. Но если Сониная мама умерла, когда девоч-

ке было тринадцать, и ее воспитывала бабушка, то мама Тани погибла всего три года тому назад, когда водитель такси, на котором она возвращалась из Тамбова в Рассказово, заснул и машина врезалась в дерево. Обе подруги владели скромным деревенским жильем в Рассказово, дома быстро ветшали, зарастали сады... Но они не спешили их продавать, мало ли как сложится жизнь, быть может, в какой-то момент так все сложится, что именно в Рассказово они и вернутся, чтобы доживать на пенсии. Сейчас Тане было двадцать три года, Соне — двадцать четыре.

— Знаешь, — признавалась Таня Соне, — иногда мне кажется, что я прожила долгую и очень уж тяжелую жизнь. Что я старая.

— Я тоже, — со вздохом отвечала ей Соня.

...Виктор Михайлович, которого подруги между собой звали Витюшей, оставив Таню на поляне, отправился к ручью — помыться, привести себя в порядок. У него на эту процедуру уходило довольно много времени, словно он там мылся весь. И это тоже раздражало Таню. Она не понимала, зачем ему мыться в ручье, когда он может, вернувшись домой, помыться под душем. Вероятно, он боялся, что от него будет пахнуть другой женщиной, что жена почувствует это. Или же ему нравилось плескаться в ледяной родниковой воде. Странно все это было. После водных процедур и после близости с Таней он, сидя на пне прямо над ручьем, курил.

Молча курил, а Таня в это время поджидала его на поляне, уже одетая. В его отсутствие она прибиралась, собирала остатки еды в пакет, складывая его в свою сумочку, чтобы по дороге домой выбросить в расположенный рядом с домом мусорный бак. Она никогда в жизни не оставила бы мусор в лесу, даже фантик от съеденной конфеты или использованную салфетку она прятала в маленький кармашек своей сумочки, чтобы потом выбросить дома в мусорное ведро.

Она сидела на пледе, готовая к отъезду, и прислушивалась к звукам, доносящимся из леса. Время шло, вокруг стояла тишина, прерываемая гомоном птиц или мягким шелестом их крыльев, когда они вспархивали и перелетали с ветки на ветку, с дерева на дерево, и ни одного звука, предвещавшего возвращение Виктора, не было.

Таня встала, потянулась. Ей тоже хотелось поскорее оказаться дома в душе, чтобы смыть с себя запах мужчины. Хотелось снять с себя одежду и сунуть ее в стиральную машинку. Хотелось увидеть Соню, один вид которой умиротворял, успокаивал. Как же хорошо, когда ты живешь рядом с человеком, который все про тебя знает. Знает и не осуждает, а по-настоящему сочувствует. Конечно, Соня была категорически против этих встреч Тани со своим хозяином, она несколько раз высказывалась по этому поводу, но не осуждала. Пусть и не понимала, но жалела. А Таня, накупив на полученные от

любовника деньги пирожные или отбивные, возвращалась домой с видом добытчицы. Соня лишь разводила руками...

Будь Соня другой, она бы запилила Таню, заклеяла ее позором, проходу бы ей не давала и настаивала бы на том, чтобы Таня сменила место работы, но в том-то все и дело, что она не считала вообще возможным активно вмешиваться в жизнь Тани. Кто не знал Соню, мог бы подумать, что ей было все равно или же она вообще радовалась тому, что у подруги есть приработок, которым она делится с ней. Но Соня... Она была ангелом, по-настоящему преданным другом, и без нее еще неизвестно, что стало бы с Таней, закружившейся в столице, сорвавшейся с оси...

Таня тоже решила закурить. Достала пачку сигарет из сумочки, прикурила. Вышла из-за кустов, сделала несколько шагов по направлению к шоссе, по которому неслись машины. Был май, погода стояла дивная, над головой пылало солнце, на небе не было ни облачка. Но Таня почему-то зябко куталась в свою любимую фиолетовую кофту, словно на ней не было кожи. Вот так она стояла, обняв себя руками и уставившись в одну точку — автобусную остановку, расположенную по другую сторону шоссе. Ярким желтым пятном пронеслась шикарная длинная машина. Кабриолет. На переднем сиденье, развалясь, сидела не менее шикарная девица в желтом платье и огромных черных очках.

Если бы не цвет ее машины, лимонно-желтый, Таня и не обратила бы на нее внимания. Мгновенье — и машина скрылась с глаз, за кустами ее уже не было видно. И Таня бы развернулась и пошла обратно на поляну, если бы не услышала визг тормозов, вскрик... Затем мотор взревел, и она поняла, что машина где-то совсем близко. Вероятно, эта девица кого-то сбила на шоссе, потом резко развернулась и решила спрятаться в лесу. Она в шоке. Она, быть может, была пьяная, а теперь протрезвела, и ей надо просто прийти в себя. Или спрятаться? А Тане-то куда деваться? А что, если эта ненормальная в желтом кабриолете сейчас на полной скорости вылетит на поляну и сшибет ее саму, Таню? Или врежется в чистого и мокрого после водных процедур расслабленного Кондратьева? Ее рука принялась машинально шарить в кармане кофты, чтобы найти телефон и позвонить любовнику, предупредить его о взбесившейся машине, но вдруг все стихло. Раздвинув ветви дикой смородины, Таня увидела спрятавшуюся между деревьями машину. Гигантским продолговатым лимоном она словно застряла между сосен. Девица, уже без очков, с красным и злым лицом стояла совсем близко от Тани и орала в трубку телефона, даже и не подозревая, что ее кто-то может услышать. Она материлась грубо и громко, обращаясь к какому-то своему доверенному лицу, пытаясь донести до этого человека, что с ней произошло. Она сбила женщину и теперь не знает, что ей делать.

Она не жаловалась, а нападала на своего собеседника, требуя, чтобы он ей сказал, как ей поступить. Вызывать ли полицию или неотложку или, наоборот, убираться поскорее с места преступления. Ей, очевидно, задавали обычные в такой ситуации вопросы: жива ли сбитая ею женщина, как она выглядит, нет ли поблизости свидетелей? Судя по ее полным гнева и раздражения ответам, выходило, что женщина какая-то «нищевродка», может, даже пьяная, и что момент наезда никто не видел. Вот после этого ей посоветовали как можно быстрее уезжать.

— Ладно, я поняла. Все. Жди меня. Господи, как же выпить-то хочется!

Таня и сама не поняла, как случилось, что она успела достать телефон, чтобы включить видео и зафиксировать ее номера. Нет, нормально! Сбила женщину, даже «Скорую» не вызвала и уехала! Гадина! И вот таким, как она, все сходит с рук.

Машина задом выкатилась из леса, резко развернулась и помчалась к шоссе. Несколько секунд — и все, нет никакой машины, никакого наезда!

Где этот Витюша? Сколько уже можно мыться или курить? Уснул он там, что ли?

И тут до нее дошло, что буквально рядом за кустами на шоссе сейчас лежит и истекает кровью сбитая богатой стервой женщина!

Таня стремительно направилась туда, откуда доносился звук тормозов и вскрик. Она бежала напролом сквозь заросли кустов, и ветки так и норовили хлестнуть прямо по лицу. Зажмурившись, она выбежала на ровное, густо поросшее травой место, откуда выбралась на шоссе. Она увидела автобусную остановку. И вот прямо перед ней, на обочине, лежало тело. Таня подошла, дрожа от страха. Неужели покойница?

Да, это женщина. Она лежала, скрючившись, на боку. На ней был серый, похожий на мужской пиджак, рукава которого были закатаны так, что виднелась матовая полоска коричневой подкладочной саржи. Старые голубые джинсы в пятнах, на ногах почерневшие от грязи некогда белые стоптанные кеды. Волосы на голове седые, спутанные. И на самой макушке мокрое темное пятно — кровь. Бомжиха! Таня включила видео, засняла лежащую женщину, после чего приблизилась к ней, присела на корточки, чтобы получше разглядеть и понять, жива та или нет. Женщина дышала. Лица ее не было видно.

— Женщина, вы как? — Глупее вопрос и не придумаешь!

Та пошевелилась, застонала. Потом неожиданно привсталала и принялась озираться по сторонам.

— Вы как, спрашиваю?

— Да не знаю я... — зло пробурчала она. Вот теперь можно было разглядеть и ее лицо. Одутловатое, с нездоровым румянцем на скулах, при-

пыленное, морщинистое. Словом, классическая внешность алкоголички-бомжихи.

— Вы можете встать?

Женщина ничего не ответила, только протянула ей руку, мол, помощи подняться. Когда она поднялась, Таня удивилась тому, какая же она маленькая и худенькая. Наверняка недоедает, внутренности все болят.

Кровь с головы стекала по щеке. И даже уже успела подсохнуть.

— Вам надо в больницу. Вас сбила машина. Вы помните?

— Да какая больница?! — возмутилась пострадавшая, отмахнувшись. Таня заметила, какие у нее маленькие, почти черные кисти рук, словно она не мыла их целую вечность. Несчастная женщина! Вся жизнь наперекосяк, так еще и умудрилась стать жертвой наезда!

— А хотите, — спохватилась Таня, — я запишу вашу фамилию и подам от вашего имени заявление в полицию о том, что вас сбила машина? Глядишь, получите компенсацию или просто виновница наезда, я имею в виду ту женщину на желтой машине, заплатит вам, чтобы вы забрали это самое заявление...

Она растерялась, не знала, как помочь, а потому выдавала все то, что приходило на ум. Но ведь все правильно! Зачем отказываться от денег, когда они сами в руки плывут?!

— Зовут-то вас как? Фамилию хоть назовите!

— Надя я. Фирсова. Все. Вон и автобус мой. — Она махнула куда-то в сторону, давая Тане понять, что разговор окончен.

Совсем все мозги пропила, подумала Таня и, понимая, что ее помощь уже как бы никому и не нужна, повернула обратно к кустам, за которыми стояла машина Кондратьева.

— Танюша, ты где?

Он появился неожиданно, не с той стороны леса, откуда она его ждала. В руках у него была охапка ромашек. Видимо, он не только мылся у ручья, но и побродил в лесу, нашел поляну с ромашками, решил собрать букет.

Ее так и подмывало спросить, кому букет, и уже в этом вопросе прозвучал бы упрек, издевка. Конечно, это ей, кому же еще? Не жене ведь, ей-то он наверняка дарит дорожные букеты роз. Да и как он объяснил бы ей, что делал за городом, откуда полевые ромашки. Хотя он мог бы купить точно такой же букет где-нибудь рядом с метро у бабушек.

— Вот, это тебе, милая. — Он протянул ей букет с таким видом, словно они настоящие любовники, как если бы он ее по-настоящему и любил. Хотя на самом деле...

— Спасибо. — Она приняла букет и даже зачем-то прижала к груди. Во всем была фальшь, какая-то нехорошая, стыдная игра двух людей, которые пытаются быть хорошими.

— Ну что, по домам?

Соня еще не вернулась с работы. Наверняка прогуливается где-нибудь, радуясь хорошей теплой погоде. Она такая, Соня. С одной стороны, практичная до абсурда, с другой — сама сентиментальность. Парки, скверы, особенно ботанический сад — ей бы там жить или работать, до того ей все это нравится. Ходит, любуется на растения, радуется погожему денечку, а иногда может гулять даже под дождем. Соня... Вот как она отнесется к тому, что задумала Таня? Станет ее презирать? Поддержит ее?

Таня долго стояла под душем, два раза намыливаясь, чтобы смыть с себя мерзкий запах мужчины, которого не любила и от которого мечтала избавиться. Ванная комната уже вся пропиталась запахом земляники от дорогого французского геля для душа, а Таня все еще стояла под струями приятной теплой воды, мечтая о том, как может измениться их с Соней жизнь, решилась она на такое... Надо только все хорошенько взвесить, продумать, а потому же и действовать. Если эта бомжиха отказалась от денег, которые могла бы получить в качестве компенсации от бессовестной «мажорки» (да она просто не представляла себе, что это может быть реально!), то почему бы самой Тане не наказать ее рублем? Просто воспользоваться случаем и немного улучшить свое финансовое положение?

Прежде Таня никогда не представляла себя в подобной роли. Никого не обманывала, а мошенников презирала. Но сейчас она попыталась

оправдать себя тем, что она, попросив у этой девицы деньги за молчание (а уж она найдет слова, чтобы та поверила ей, будто бы своими глазами видела наезд), таким образом напугает ее и заставит призадуматься над тем, что всякое зло бывает наказуемо. Быть может, она таким своим поступком немного повоспитывает ее. Хотя вот это навряд ли. Только напугает. Да и то — не факт...

Ладно. «Допустим, — рассуждала она, уже выйдя из ванной и направляясь на кухню, чтобы приготовить себе чай, — что все получится и напуганная девица отстегнет мне немного денег. Где опасность?»

Да нигде. Таня заберет деньги, возможно, тысячу евро, меньше нельзя, иначе вся сделка будет выглядеть неправдоподобно, и они расстанутся. Все. А вот на эти деньги они с Соней расправятся со своими мелкими кредитами, купят одежду, обувь к зиме. Вот так.

Но первым пунктом было выяснить, кто же такая эта девица в желтом кабриолете. Как простому смертному по номеру машины узнать ее фамилию и желательно номер телефона, а еще лучше — адрес?!

Взяв чашку с чаем, Таня направилась в спальню, расположилась перед ноутбуком и ввела в поисковик Яндекс: «Как по номеру машины определить ее хозяина?» Статей на данную тему было великое множество. Советов — того больше. Просидев за изучением вопроса почти два часа, она нашла сайт,

где выбрала платную услугу и буквально через пару минут уже знала имя владелицы машины и номер ее телефона. Вот это было настоящей удачей! Другой вопрос, найдет ли Таня в себе смелость позвонить по этому номеру и договориться о встрече? Она и без того была человеком робким, а уж говорить по телефону с тем, кто был выше ее, богаче и круче, она всегда комплексовала. Поэтому и не проходила собеседования даже на самые пустяковые должности. Да и что она, собственно говоря, умела-то? Ну шить или вязать. Этому ее мама научила. Хорошо считала. Могла до блеска выдраить квартиру. Посидеть с ребенком. Образования-то не было. Курсы кройки и шитья и незаконченный курс по маникюру. У Сони хотя бы за плечами была музыкальная школа по классу фортепиано, и она могла учить малышей музыке. А так — она тоже не успела выучиться. Обе же решили рвануть в Москву, чтобы поступить куда-нибудь, поучиться (планов было много, все какие-то туманные), устроиться на хорошую работу, но главное — найти себе хорошего мужа. Когда собирались в Москву, все в радужном свете представлялось. И первые месяцы, когда сняли квартиру и проживали накопленные дома деньги, было даже как-то весело. Но уже примерно через месяц они словно протрезвели, как если бы увидели себя в зеркале и поняли, что таких, как они, в столице — тысячи! Да-да, тысячи провинциальных девчонок с такими же целями, что и у них. И что шансов выйти здесь замуж

практически нет. Не особо красивые, не образованные, хоть и смышленные. Словом, как говорила Соня: «Мы — обыкновенные».

Время от времени бродя по сети и читая статьи о провинциалках, приехавших в Москву искать счастье, Таня чуть ли не плакала над сломанными судьбами девушек. Вот и сейчас, летая по сайтам и зацепившись взглядом за слово «провинциалки», вздрогнула, когда прочла: *«Все мои знакомые приезжие девочки бегают в поисках московских мужей. Безрезультатно, т.к. мужики тоже ведь не дураки себе на шею бесприданницу вешать»))* Все хотя и ровно...»

Так вот кто они, оказывается, в глазах москвичей — бесприданницы.

Но разве они виноваты, что родились в своем Рассказово, а не в Москве? И что остались сиротами? Что все их приданое — покосившиеся домишки с заросшими огородами да потребительские кредиты?

Что-то Соня задерживается. Таня вдруг вспомнила, что оставила в прихожей букет ромашек. Как сунула в пакет, садясь в машину, так до сих пор и не достала.

— Простите меня, мои дорогие. — Она бережно вызволила помятые цветы из душного и пахнущего полем пакета, отнесла в ванную, побрызгала водой, чтобы они ожили, встрепенулись. Потом постави-

ла в большую прозрачную вазу. Красота! Соне понравится.

И почему-то при мысли о Соне ей захотелось поплакать. Так жалко ее стало. Ходит, дурочка, по улицам, слушает своего Моцарта в наушниках, улыбается цветам на московских роскошных клумбах и не знает, что ничего-то она в этом городе не достигнет, что будет долгие годы вдыхать запах новых книг в своем книжном, пока не состарится, а там уж они вместе вернутся в Рассказово. И не факт, что к тому времени у них будет скоплено на ремонт своих домишек. А если ей не повезет и она влюбится в какого-нибудь проходимца и забеременеет, то придется ей одной, вернее, им двоим с Таней, растить ребеночка.

Ну и дура ты, Таня! Так, разозлившись на себя, на свою глупость, на какие-то дурные фантазии и опасения, она схватила телефон и быстро набрала номер «мажорки».

— Это Ирина Александровна Кречетова? — спросила она громко, желая хотя бы таким образом продемонстрировать свою уверенность в голосе.

— Да... Это я.

Вроде бы это ее голос? Хотя кто знает, может, сайт выдал ее старый номер телефона? И это вовсе не она?

— Это у вас такой желтый кабриолет? — Зачем она спросила про кабриолет? А как еще она могла бы узнать, что разговаривает с преступницей?

— Ну да... Что с ним? — Вот теперь повысила тон девица.

— С ним-то как раз ничего. — Настала очередь Тани злиться, возмущившись тем, что Кречетову эту волнует машина, а не сбитая женщина. — А вот та женщина, которую вы сегодня после обеда, а если быть точной, то ровно в пятнадцать часов тридцать три минуты сбили на своем...

— Так, тихо. Ни слова больше.

— Но позвольте!

— Подъезжайте через час к памятнику Пушкина. Надеюсь, вы знаете, где это.

Таня усмехнулась. Ну конечно, эта девица слово по голосу определила, что разговаривает с провинциалкой, которая в Москве знает только три места — вокзал, на котором ее высадил поезд Провинция — Москва, ресторан «Макдональдс» да памятник Пушкину, где она надеется подцепить парня.

— Знаю, — рывкнула она в трубку.

— Я буду в желтом платье, — сказала Кречетова.

— Да знаю я ваше платье, — проворчала Таня, потом, опомнившись, что ее слышат, вообще смутилась и замолчала. Вот сейчас эта «мажорка», раскусив ее слабость, пошлет ее куда-нибудь подальше! Прощай, тысяча евро наличными. — У меня все записано на телефон. Понятно? Все-все-все!

— Через час у памятника Пушкину.

Только она отключила телефон, как послышался звон ключей — пришла Соня.

— Привет. — Таня встретила ее на пороге с виноватым видом, который она не успела скрыть.

— Привет. — Соня со счастливым лицом подошла и обняла подругу. — У тебя все в порядке?

Почему она так спросила? Хотя... Да хотя она же всегда так спрашивает, особенно если знает, что у Тани было свидание с Кондратьевым.

— Все нормально. Если, конечно, эту ситуацию в целом можно назвать нормальной, — отмахнулась Таня, понимая, что если она сейчас не найдет в себе силы и решимости выйти из дома, чтобы встретиться с Кречетовой, то все пропало. — Мне, это... Короче, я забыла кое-что в его машине, он только что позвонил и сказал, чтобы я срочно приехала и забрала.

— Интересно, что? — горько усмехнулась Соня, переобуваясь в домашние тапочки.

На ней было светлое, в мелкую крапинку, летнее платье, волосы ее были распущены, а большие голубые глаза смотрели на Таню пока еще с нежностью и немного с жалостью. Вот любопытно, изменится ли ее взгляд, да и отношение в целом, когда она узнает, как ее самая близкая подруга Таня, которую она знает чуть ли не с младенчества, за несколько часов решила мошенническим способом разбогатеть? Наверное, бросит ее, уйдет жить на другую квартиру. Но, думая об этом, Таня в душе почему-то веселилась. Должно быть, потому, что и сама не верила в реальность затеи. А что, если эта девица в желтом платье поджидает ее у памят-

ника Пушкину не одна, а, к примеру, со своим адвокатом или, того хуже, в кустах сквера притаились полицейские, которые подхватят Таню под белые ручки и привезут в отделение, где предъявят ей обвинение в вымогательстве? Может, ну ее, эту затею? Вот теперь уже ей было не до веселья, и кураж сменился страхом.

Она пришла в себя уже на улице, рядом со входом в метро. Да с какой стати, продолжала она рассуждать, ее задержат, если она просто подойдет, чтобы поговорить с девицей. Вряд ли разговор по телефону был ею записан. Откуда ей было знать, что ей кто-то позвонит и скажет, что был свидетелем наезда? Да и не допустит эта «мажорка», чтобы в процессе разбирательства вскрылось ее преступление. В полиции же тоже не идиоты работают, проверят ее лимонный кабриолет, найдут на капоте следы столкновения или кровь сбитой бомжихи.

Нет-нет, я ничего не боюсь!

Она спустилась в метро и вскоре уже стремительным шагом направилась к памятнику Пушкина.

3

Пушкинская площадь. Место бойкое, народу полно, кто-то кого-то поджидает, вон парень с букетом, а этот бледный юноша с единственной розочкой, денег нет... На скамейках сидит, взгромоздившись с ногами, джинсоногий студенческий

люди, шумно, раздаётся смех... Вечер, люди пришли сюда, чтобы отдохнуть, встретиться с кем-то, развеяться. И только Таня, потенциальная преступница, идет на встречу к реальной преступнице, чтобы совершить преступление. Да, вот так!

Желтое платье она узнала сразу. Какая же высокая эта девица, и ноги длинные, худые. А ведь на ногах белые летние мокасины, без каблуков, разумеется. А что будет, если девица наденет обувь на каблук? Каланча, одним словом.

Волосы рыжеватые, выющиеся, глаза темно-синие (линзы?), губы крупные, полные. И аккуратный маленький нос. Ее можно было бы даже назвать симпатичной, если бы не ошибка в пропорциях лица. Кажется, оно слишком вытянуто, да и скулы слишком высокие.

Таня подошла к ней.

— Вы Кречетова? — спросила она на всякий случай, хотя и так понимала, что перед ней та самая девица из кабриолета.

— Да, это я.

Девушка, вопреки ожиданиям Тани, казалась кроткой и вежливой. Вряд ли она в жизни такая, подумала она, скорее всего, просто испугалась.

До Тани до самой только что начал доходить весь трагизм того положения, в котором могла бы оказаться Кречетова, если бы дело обстояло на самом деле так, как Таня это ей и представила. Девица не могла не предполагать, что сбита женщину насмерть. А это — тюрьма!

— Отойдем? — Кречетова мотнула головой в сторону освободившейся скамейки.

Они сели. И, не глядя на Таню, «мажорка» спросила:

— Вы что, на самом деле были там?.. Сегодня?

— Вот. — Таня достала телефон и открыла на заранее приготовленной странице видео желтого кабриолета. — Узнаете вашу машину? Местность? А вот и потерпевшая...

И она практически сунула ей в лицо свой телефон, на экране которого крупным планом была изображена бомжиха с окровавленными волосами.

— Уберите это... бр-р-р... Скажите, она жива?

— Не думаю... Я вызвала «Скорую», и ее увезли. Что с ней стало потом — не знаю. Но могу узнать.

Никогда еще она так отчаянно не лгала! Это же надо! А ведь она и не собиралась говорить о том, что стало с бомжихой. Да она вообще не представляла себе, как пойдет разговор. Подумала, что если подготовится, составит план разговора, то все сразу пойдет не так. Решила действовать по обстоятельствам. Хотя могла бы и догадаться, что самый первый вопрос, который ей зададут, это: жива ли женщина?

Таня вспомнила, как резво поднялась старушенция, отряхнулась и заторопилась на свой автобус.

— Она хотя бы в сознании была?

— Так у нее ж голова была разбита! Думаю, она при смерти была. Худая такая, маленькая, в ней и без этого случая жизни, наверное, не было.

— Хорошо. Насколько я понимаю, вы хотите денег за свое молчание, так?

— Да, — просипела Таня, вдруг понимая, что не успела толком обезопасить себя. Если ее сейчас записывают (а она ведь открыто шантажирует!), то она пропала. И что это она сядет в тюрьму, а не Кречетова.

— Сколько?

Таня прикидывала, готовясь именно к этому моменту разговора. Тысяча евро — это около девяносто тысяч рублей. Скажу просто: сто тысяч рублей. Решила округлить сумму.

— Сто, — сказала она, чувствуя, как к голове приливает кровь. Возможно, подумала она, у меня и уши стали красные. И щеки.

— Хорошо, — сказала девица с видом человека, у которого от сердца отлегло. — А как быть, если вы не выполните условие нашего договора и станете шантажировать меня и дальше?

— Ну уж нет... Я не такой человек.

— А мне откуда знать, какой вы человек? Я вижу вас впервые.

— Но вы же не хотите променять свою красивую жизнь на тюремную камеру?

Она хмыкнула, покачав головой.

— О чем и речь! — осмелела Таня. — Я буду молчать, а на те деньги, что я от вас получу, просто решу какие-то свои небольшие проблемы. В частности — закрою кредиты и буду спать спокойно.

Ну зачем она это сказала? Зачем так унизилась, признаваясь в своем безденежье? Могла, к примеру, сказать, что отправится отдохнуть или... Хотя разве можно нормально отдохнуть за сто тысяч рублей в престижном месте, на тех же Мальдивах, где расслабляются богачи?

— Хорошо, я поняла, — словно очнулась Ирина и как-то оживилась, засуетилась, достала из лимонно-белого рюкзачка бумажную салфетку и принялась промокать влажный лоб. Короче, она нервничала.

— Так, наличных денег таких у меня нет, это ясно. А у вас есть банковский валютный счет, куда бы я могла перевести деньги?

Валютный? Конечно, никакого валютного счета у Тани не было, да и быть не могло!

— Может, лучше наличными? Я бы подождала.

Она не разговаривала с этой богатой стервой, а блеяла. Вот это «я бы подождала» — это как расписаться в собственной слабости и неуверенности. Может, ну ее, эту Кречетову с ее деньгами? Бабка-то жива, отряхнулась и пошла. К тому же настоящего доказательства того, что Ирина сбила ее, у Тани не было. Просто видео ее машины с четко просматриваемыми номерами практически на месте преступления да короткое страшненькое видео полутрупа потерпевшей с раной на разбитой голове. А что, если Ирина придет в себя, посоветуется, скажем, со своим адвокатом и тот скажет, что эта история — самый настоящий развод! Что ее, Таню,

нужно послать куда подальше, а то и вовсе написать на нее заявление...

Мысли понеслись в сторону тюремного кошмара, Таня на какое-то время впала в оцепенение, понимая, что прямо сейчас она должна принять правильное решение — бежать ли отсюда, так сказать, уносить ноги, пока не поздно, или уже идти до конца.

И тут вдруг до нее с большим опозданием дошло, почему Кречетова спросила ее про валютный счет. Валютный. Само это слово отливало золотом и мерцало разноцветьем европейских или американских банкнот. А что, если она решила, будто бы Таня просит у нее не сто тысяч российских рублей, а сто тысяч евро, предположим?

— Тебе в долларах или евро? — словно услышав ее мысли, спросила Ирина деловым тоном.

— В евро. — Таня поняла, что все нужно решать прямо сейчас и окончательно. Что другого случая просто не будет. Но когда речь пошла конкретно о деньгах, она еще не верила в то, что их получит.

— Понятное дело. Ладно, поехали ко мне домой. Мне выпить надо. Понимаю, что влипла, что виновата... Но не могла я тогда вызвать полицию. Если бы вызвала, все — пиши пропало. Посадили бы сразу. А оно мне надо? У меня и без того врагов полно. Ну ты чего сидишь-то? Поехали, говорю! Сейчас выпью, приду в себя, а то вся на нервах, позвоню в банк и закажу наличные на завтра. Тебя

устроит? Хотя постой... Сколько, ты говоришь? Сто тысяч евро? А если будет чуть поменьше? Я не пересчитывала, но после того, как я расплатилась со всеми этими домработницами, кухарками и садовниками, думаю, там должно остаться еще прилично. Вот поедем сейчас и посмотрим.

Она шла до парковки быстрым стремительным шагом, длинноногая, тоненькая, с развевающими рыжеватыми волосами, вся в желтом, со стильным ярким рюкзачком на плече, и точно знала, что вот так же будет идти до самой своей смерти — легко, точно зная маршрут, уверенная в своей безнаказанности и с карманами, полными денег. И та ситуация, из-за которой она сейчас нервничала, отчего ей хотелось выпить, не такая уж и трагичная для нее. Она же знает, что с помощью денег можно решить все проблемы, исключая неизлечимые болезни или несчастный случай.

Вот сейчас она откупится и будет и дальше спокойно давить пешеходов. Сколько телевизионных шоу было посвящено этой теме! Но разве что-то в обществе изменилось? Как гоняли пьяные «мажоры» на своих крутых тачках, сбивая пешеходов, так и будут гонять.

Когда Таня села в кабриолет, с ней что-то произошло. Ей даже показалось, что она вмиг построинела и стала выше, да и выражение лица ее изменилось, как если бы у нее в кармане уже были большие деньги, а машина, которая сейчас обни-

мала ее своими мягкими сиденьями и комфортом, принадлежала ей. Вот такая мгновенная метаморфоза психики ли, организма в целом.

— А чего уволили всю прислугу? — спросила она, когда машина помчала их по Тверской, а теплый приятный ветерок принялся играть волосами. Тане казалось, что вся Москва видит ее сейчас в этом роскошном кабриолете, и от этого сознания сердце ее бешено колотилось. Какой же это кайф — мчаться по Москве вот так, ярко и стремительно, навстречу ветру, а не телепортироваться под землей в метро.

— Да не сложилось у меня с ними. Я же недавно там. У меня отец умер месяц тому назад, мы с ним последние годы не ладили... Короче, вся эта банда посудомоек и уборщиц обожала его, просто боготворила, и когда его не стало, увидели во мне своего личного врага. Хорошо, что еще не отравили... Вот все мне наперекосяк делали. Знаешь, я один фильм видела, старый, там слуги издевались над своей хозяйкой. Вот я и подумала, а не уволить ли их к чертям собачьим? Я что, себе помощников не найду? Да в таком доме одно удовольствие убираться. Там столько всяких прибамбасов и для уборки, и для готовки есть. Только кнопки нажимай! Вот сейчас как раз занимаюсь поиском садовника. Помыть полы-то я пока помою или пропылесосу, а вот кто поливать цветы будет? Деревья? Там садик хоть и небольшой, но полно красивых растений, они требуют ухода.